

А. Р. Гарейшина

Независимый исследователь, Москва

КОРРЕЛЯТИВЫ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ — ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ИЛИ ТОПИК?¹

1. Введение

Коррелятивы — это класс полипредикативных конструкций, широко представленный в языках мира (подробнее см. [Bhatt 2003: 491; Izvorski 1996] и др.). На протяжении развития синтаксических теорий и инструментов анализа синтаксических явлений в языках мира понимание данного термина менялось, и если Э. Кинэн относил к коррелятивам все полипредикативные относительные структуры без синтаксической зависимости от именной вершины ([Keenan 1985: 164–165]), то современное определение коррелятивов обязано своим существованием работе [Srivastav 1991], где впервые сформулирована характерная особенность соотносительных конструкций — зависимая клауза предшествует главной с обязательным наличием хотя бы одной пары коиндексированных соотносительных местоимений: относительного для зависимой предикации и указательного для главной. Помимо сугубо прагматического способа соотносить два местоимения в такой коррелятивной паре, существуют еще два способа обозначить их статус — формально-семантический, когда должно выполняться так называемое условие совпадения по категории (англ. “categorial matching requirement”), и синтаксический, когда действует условие совпадения по падежу (англ. “case matching requirement”). При «формально-семантическом» условии совпадения одинаковыми являются категории (например, именная группа, предложная/послеложная группа и др.) и, следовательно, их семантические типы; при условии совпадения по падежу местоимения — члены коррелятивной

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 16-06-00536а.

пары имеют одинаковые синтаксические роли в своих клаузах². С. Кейбл в работе [Cable 2009] убедительно демонстрирует, что последние описанные два способа не являются ни необходимыми, ни достаточными по крайней мере для части коррелятивов, однако коиндексация присутствует всегда, причем множество референтов относительной группы в зависимой клаузе и множество референтов соответствующей указательной группы в главной клаузе — это одно и то же множество.

² Примерами конфигураций с совпадением по категории и совпадением по падежу могут служить соответственно примеры (i) и (ii) ((3) и (4) в работе [Izvorski 1996]). В первом примере зависимая клауза с относительной группой, представленной предложной составляющей, не может занимать в главной клаузе позицию, не требующую «предложной» «оболочки»:

- i. * [FR *With whom I talked*] *arrived last*.
 с кем я говорил приехал последним
 Ожидаемое значение: ‘С кем я говорил, ~~тот~~ приехал последним’.

Во втором примере зависимая клауза с относительной группой в генитиве не может занимать в главной клаузе позицию, требующую номинатива (субъектную позицию):

- ii. * [FR *Wen Gott schwach geschaffen hat*],
 кого Бог слабым создан имеет
muss klug sein.
 должен умный быть
 Ожидаемое значение: ‘Кого Бог создал слабым, ~~тот~~ должен быть умным’.

Рассматривая безвершинные относительные предложения, Р. Изворски приходит к выводу, что данные ограничения не связаны с параметром опущения *pro* (англ. “*pro-drop*”), а действуют для тех зависимых клауз, которые занимают аргументную позицию внутри главной клаузы либо связаны с этой позицией по цепи передвижений (англ. “*movement chain*”). Соответственно, отсутствие данной связи между клаузами можно считать аргументом в пользу того, что зависимая клауза занимает А’-позицию относительно главной клаузы (а именно, позицию адьюнкта не ниже уровня TP). В случае коррелятивной конструкции связь между местоименными группами — членами соотносительной пары — имеет анафорический характер.

Коррелятивы традиционно считаются неканонической стратегией релятивизации и тем самым отграничиваются от сложно-подчиненных предложений с относительной клаузой, находящейся в составе именной группы — antecedента ([Nikolaeva 2005: 502]). Стоит отметить, что понятия канонической и неканонической стратегии совершенно не равносильны понятиям основной и побочной стратегии — так, коррелятивизация может быть и основной стратегией образования относительных предложений, как, например, в дравидийских языках. Соответственно, коррелятивы входят во множество относительных придаточных клауз, и в совокупности данные синтаксические структуры являются нелокальными стратегиями релятивизации, противопоставляясь локальной стратегии — образованию причастных оборотов.

Существуют как простые, так и множественные коррелятивы. Единственное поверхностное различие между ними состоит в количестве соотносительных пар: в простом коррелятиве есть лишь одна коррелятивная пара местоимений, в случае же множественного коррелятива представлено две или более коррелятивные пары местоимений, и эти пары референциально независимы друг от друга (см. о редких отклонениях от этой закономерности работу [McCawley 2003]). Схематически коррелятивы можно представить следующим образом (см. [Bhatt 2003: 486]):

(1а) простые коррелятивы:

[_{CorCP} ... Rel-XP_i ...]_i [_{CP/TP} ... Dem-XP_i ...]

(1б) множественные коррелятивы:

[_{CorCP} ... Rel-XP_i ... Rel-YP_j ...]_{i,j} [_{CP/TP} ... Dem-XP_i ... Dem-YP_j ...]

где CorCP — зависимая (коррелятивная) клауза, CP/TP — главная клауза уровня TP либо CP, Rel-XP — относительная составляющая внутри зависимой клаузы, Dem-XP — указательная составляющая внутри главной клаузы, i, j — индексы.

В горномарийском языке представлены как простые, так и множественные коррелятивы:

(2а) [_{CorCP} *kü_i kăčäl-eš*]_i, [_{CP/TP} *tädä_i mo-eš*].

кто искать-NPST.3SG тот найти-NPST.3SG

‘Кто ищет, тот находит.’

(26) [CorCP *küi ma-m_j kăčäl-eš*]_{i,j}, [CP/TP *tädä_i tädä-m_j*
кто что-ACC искать-NPST.3SG тот тот-ACC
mo-eš].

найти-NPST.3SG

‘Кто что ищет, тот то и находит.’

Представляется разумным ограничиться в данной работе простыми коррелятивами, где наличествует лишь одна коррелятивная пара местоимений. Мы рассмотрим эти конструкции на материале полученных методом элицитации данных горномарийского языка (< финно-волжская группа < финно-угорская ветвь < уральская семья) и обсудим инвентарь коррелятивов, их общие свойства и некоторые структурные особенности.

2. Общая характеристика коррелятивов в горномарийском языке и их инвентарь

В силу отсутствия последовательного описания коррелятивов в горномарийском языке наша первоочередная задача заключалась в установлении типов коррелятивов, возможных для данного языка³. Мы руководствовались списком соотносительных пар из работы [Mitrenina 2010: 136–137] и приводим его ниже уже в модифицированном виде для демонстрации инвентаря горномарийских коррелятивов:

³ По замечанию анонимного рецензента, так как коррелятивы являются нестандартным типом относительных предложений, разумно было бы кратко описать релятивизацию в горномарийском языке. С точки зрения автора, обзор системы релятивизации для горномарийского языка представляет собой отдельную задачу в силу малой изученности синтаксиса последнего и тем самым выходит за рамки данной статьи. Отметим, однако, что общая характеристика относительных предложений дана в работе [Кожемякина, Гарейшина 2018], где показывается, что горномарийский язык располагает как финитной, так и нефинитной стратегиями релятивизации, причем обе стратегии равно употребительны; в случае финитной стратегии зависимая клауза вводится с помощью вопросительно-относительных местоимений (см. об их свойствах работы [Саваткова 2002: 162–165; Alhoniemi 1993: 85–87], а также обзор релятивизации в луговом марийском в [Fleischer, Schötschel 2005]).

Таблица 1. Список соотносительных пар (по [Mitrenina 2010: 136–137])

Относительная составляющая (Rel-XP)	Определяемая составляющая (Dem-XP)
<i>kü</i> ‘кто’	<i>tädä</i> ‘тот/он’ ⁴
<i>kün</i> ‘чей’	<i>tädän</i> ‘того’
<i>ta</i> ‘что’	<i>tädä</i> ‘тот/он’
<i>mahan</i> ‘какой’	<i>tehen</i> ‘такой’
<i>mahan</i> ‘каков’	<i>tehen</i> ‘таков’
<i>kâštâ</i> ‘где’	<i>tâštâ</i> ‘там’
<i>kâškâ</i> ‘куда’	<i>tâškâ</i> ‘туда’
<i>kâšec(än)</i> ‘откуда’	<i>tâšec(än)</i> ‘оттуда’
<i>kâškeve(k)</i> ‘докуда’	<i>tâškeve(k)</i> ‘дотуда’
<i>kâce</i> ‘как’	<i>tenge</i> ‘так’
<i>kânam</i> ‘когда’	<i>tänäm</i> ‘тогда’
<i>man’ar(ä)</i> ‘сколько’	<i>tänär(ä)</i> ‘столько’
<i>man’areš</i> ‘насколько’	<i>tänäreš</i> ‘настолько’
- ‘чем (+ сравнительная степень прилагательного / наречия)’	- ‘тем (+ сравнительная степень прилагательного / наречия)’

Несмотря на то, что в исходной таблице О. В. Митрениной для местоимений и местоименных прилагательных (разумеется, в полной форме) в качестве начальной «опорной» формы подразумевался в основном именительный падеж, в нашей таблице в силу особенностей горномарийского языка наблюдается иное положение вещей. Так, в соотносительной паре *kün* ‘чей’ — *tädän* ‘того’ оба местоимения находятся в форме генитива, в паре *man’areš* ‘насколько’ — *tänäreš* ‘настолько’ оба местоимения находятся в форме латива (именно этот падеж делает возможной интерпретацию данных местоимений как адвербиалов изменения количества объектов либо степени признака); кроме того, даже на синхронном уровне можно видеть, что пары *kâ-štâ* ‘где’ — *tâ-štâ* ‘там’ и *kâ-škâ* ‘куда’ — *tâ-škâ* ‘туда’ демонстрируют пары местоимений соответственно в инессиве и иллative⁵; формы при наличии

⁴ Перевод ‘он’ указан, так как указательное местоимение грамматикализовалось и в личное местоимение третьего лица. Далее два перевода указываются с учетом контекста (проверенного носителем).

⁵ Подробнее об относительных и указательных местоимениях и их строении см. работы [Саваткова 2002; Чхаидзе 1941; Alhoniemi 1993; Fleischer, Schötschel 2005].

гласных, помеченных в таблице в скобках, являются полными, причем и полная форма, и «усеченная» являются одинаково грамматичными и свободно варьируют в зависимости от диалекта.

Приведем примеры на коррелятивы для каждой пары из указанных в таблице:

(3а) «кто — тот»:

kü a.k *robotajê*, *tädä* a.k *kač*.
кто NEG.NPST.3 работать **тот** NEG.NPST.3 есть
 ‘Кто не работает, тот не ест.’

(3б) «чей — того»:

kü-n *pi* *vas'ê-m* *pêrâl*
кто-GEN собака Вася-ACC покусать.CVB
näl-en, *tädä-n* *kot'i* *vara* *vas'ê-m*
 взять-PST2.3SG **тот-GEN** кошка потом Вася-ACC
âdâr-en *pätär-en*.
 поцарапать-CVB закончить-PST2.3SG
 ‘Чья собака покусала Васю, того кошка его потом исцарапала.’

(3в) «что — то»:

ma-m *už-am*, *tädä* *gišän*
что-ACC вижу-NPST.1SG **то** о
rop-em.
 говорить-NPST.1SG
 ‘Что вижу, о том и говорю’.

(3г) «какой — такой»:

mahan' / *kädä* *madâš-êm* *už-eš*,
какой **который** игрушка-ACC увидеть-NPST.3SG
tehen' *madâš-êm* *käč-ä*.
такой игрушка-ACC просить-NPST.3SG
 ‘Какую игрушку увидит, такую и просит’.

(3д) «каков — таков»:

kätözä *mahan'*, *kätö-žä* *tehen'*.
 пастух **какой**, стадо-POSS.3SG **такой**
 ‘Каков пастух, таково и стадо’.

- (3е) «где — там»:
tән' kăštăt l'i-ät, mән'-ä tăštä l'i-äm.
 ты где статья-NPST.2SG я-EMPH там статья-NPST.1SG
 'Где ты будешь, там буду и я'.
- (3ж) «куда — туда»:
kăškă každăj kečä-n kečä šänz-eš,
 куда каждый день-GEN солнце сесть-NPST.3SG
tăškă mән' ke-ne-m šo-aš.
 туда я уехать-DESID-1SG дойти-INF
 'Куда каждый день садится солнце, туда я хочу уехать'.
- (3з) «откуда — оттуда»:
kăšec(-ән) iktä tol-ән, tăšec(-ән)
 откуда(-FULL) 1 идти-PST2.3SG оттуда(-FULL)
molâ-ž-at tol-ән-ät.
 другой-POSS.3SG-ADD статья-PST2-3PL
 'Откуда пришел один, оттуда пришли и другие.'
- (3и) «докуда — дотуда»:
kăškeve(k) rokolma-m šänd-en
 докуда картофель-ACC посадить-CVB
šo-kt-et, tăškeve(k) (tән'-ән)
 дойти-CAUS-NPST.2SG дотуда ты-GEN
müländ-et l'i-eš.
 земля-POSS.2SG статья-NPST.3SG
 'Докуда картошку посадишь, дотуда и будет твоя земля'.
- (3к) «как — так»:
kăce kerd-äm, tenge-ok sir-äm.
 как смочь-NPST.1SG так-EMPH написать-NPST.1SG
 'Как смогу, так и напишу'.
- (3л) «когда — тогда»:
kănam tädä iktä-mahan' läktä-šă
 когда он INDEF-какой извлечь-PTCP.ACT
mo-eš, tănäm mă-län-em
 найти-NPST.3SG тогда я-DAT-POSS.1SG

sir-mäš-əm *sir-ä.*
 писать-VN-ACC писать-NPST.3SG
 ‘Когда он найдет какой-нибудь выход, тогда он напишет мне письмо’.

(3м) «сколько — столько»:

man'ar-â *âl-ân,* *tänär-ok*
сколько-FULL быть-PST2.3SG **столько-EMPH**
kod-ân.
 остаться-PST2.3SG
 ‘Сколько было, столько осталось’.

(3н) «насколько — настолько»:

man'ar-eš *anzâc* *jažo* *âl-ân,*
сколько-LAT сначала хороший быть-PST2.3SG
tänär-eš *vara* *hudaj-em-ân.*
столько-LAT потом плохой-VBZ-PST2.3SG
 Ожидаемое значение: ‘Насколько сначала было хорошо, настолько стало потом плохо’.

(3о) «чем — тем»:

#man'ar-eš *šukâ,* *tänär-eš* *jažo.*
сколько-LAT много **столько-LAT** хороший
 Ожидаемое значение: ‘Чем больше, тем лучше’.
 (Действительное значение: ‘Насколько много, настолько хорошо’.)

(3о’) «чем — тем»:

**šukâ-rak,* *jažo-rak.*
 много-CMPR хороший-CMPR
 Ожидаемое значение: ‘Чем больше, тем лучше’.

Практически все коррелятивные пары, указанные О. В. Митрениной на материале русского языка начиная с 18 в., оказываются возможны и в исследуемом языке, за исключением коррелятивной пары для компаративных коррелятивов («чем — тем», как в русском примере «Чем больше я узнаю людей, тем больше я люблю животных»). Стоит также указать, что пара «насколько — настолько» в (3н) помечена знаком вопроса, так как в ответах носителей наблюдается вариативность; так, например, половине опрошенных носителей проще понять пример вида «на сколько

больше заработал, на столько больше и потратил», а пример (3н), где коррелятивная пара употребляется в переносном значении, воспринимается как трудный. Если учесть, что «прямое» употребление коррелятива означает сравнение изменений по количественной шкале, а «переносное» обращается не к количественной, а к качественной шкале (ср. *насколько... хорошо — настолько... плохо*), то данный пример предвосхищает примеры (3о-о'), демонстрирующие отсутствие компаративных коррелятивов, как с парой «чем — тем», так и при наличии прилагательного в сравнительной степени. Неграмматичность примеров (3о-о') была подтверждена всеми опрошенными носителями, что вместе с неоднозначностью примера (3н) свидетельствует о недоступности коррелятивов данного семантического типа в горномарийском языке. Любопытно заметить, что наши данные расходятся с данными древних языков (латинского, санскрита, древнеанглийского, древнерусского, хеттского) и с данными современных языков «среднеевропейского стандарта» (например, современных английского, голландского, немецкого): для всех этих языков ни разу не было эксплицитно подтверждено отсутствие компаративных коррелятивов, кроме того, было неоднократно отмечено, что языки «среднеевропейского стандарта», утратив коррелятивизацию как продуктивную стратегию, из всего разнообразия конструкций сохранили лишь компаративные коррелятивы (см. работы [de Vries 2002; den Dikken 2005, 2009], а также грамматические описания, указанные в [Bhatt 2003]).

Кратко опишем общие свойства горномарийских коррелятивов на основе примеров в (3). Итак, коррелятивы действительно содержат пары местоимений (однако *tädä*, означающее как указательное ('тот'), так и личное ('он') местоимение, может опускаться в коррелятивной конструкции по крайней мере в номинативе); зависимая клауза предшествует главной; также были засвидетельствованы коррелятивы вида «какой — такой», где *mahan'* «какой» заменено *kädä* «который», маркирующим финитные относительные клаузы, что согласуется с данными венгерского языка (см. [Lipták 2012]). Заметим, что несмотря на преобладание стратегии wh-in-situ в вопросительных контекстах, оба члена пары местоимений отчетливо тяготеют к левой периферии в «своих» клаузах, повторяя линейное расположение друг

друга (ср., например, (3е) и (3ж)). Наконец, тип «каков — таков» единственный из всех коррелятивов предполагает расположение местоимений строго на концах клауз, в соответствии с базовым порядком SOV, так как местоимения этой коррелятивной пары являются проформами глагольной группы.

Как уже было сказано выше, компаративные коррелятивы отсутствуют в горномарийском языке. В то время как примеры (3о-о') в ожидаемом значении не употребляются, носители, чтобы выразить такой смысл, как в русском предложении, используют несколько стратегий «замещения» коррелятивной пары «чем — тем». Приведем их в порядке, соответствующем частотности:

- а) замена на пару «насколько — настолько» (с изменением интерпретации сравнения шкал по качеству на сравнение двух шкал по количеству);
- б) бессоюзная связь типа «встанешь раньше — больше успеешь сделать»;
- в) замена на пару «сколько — столько»;
- г) замена на «насколько» второй части, первая часть заменяется на антецедент условной клаузы, т. е. предложение типа «чем больше я узнаю людей, тем больше я люблю собак» трансформируется в предложение с буквальным переводом «если я больше узнаю людей, настолько сильно я люблю собак».

Примеры, соответствующие данным стратегиям, даны в (4):

- (4а) = (3о) *#man'ar-eš* *šukâ*, *tänär-eš* *jažo*.
сколькo-LAT много **столькo-LAT** хороший
 Ожидаемое значение: 'Чем больше, тем лучше.'
 (Действительное значение: 'Насколько много, настолько хорошо.')
- (4б) *irä* *kän'äl-eš*, *tädä* *šukâ-m*
 рано встать-NPST.3SG столько много-ACC
äšt-en *šokt-a*.
 сделать-CVB успеть-NPST.3SG
 'Чем раньше он встает, тем больше он делает.'
- (4в) *man'ar* *irä* *tädä* *kän'äl-eš*, *tänär*
сколькo рано он встать-NPST.3SG **столькo**

šukâ-m äšt-ä.

много-ACC сделать-NPST.3SG

‘Чем раньше он встает, тем больше он делает.’

- (4г) *tä donâ.da šukâ por-a gän’*,
 вы с.POSS.2PL много говорить-NPST.3SG **если**
tänär-eš sämäräk-em-eš.

столько-LAT молодой-VBZ-NPST.3SG

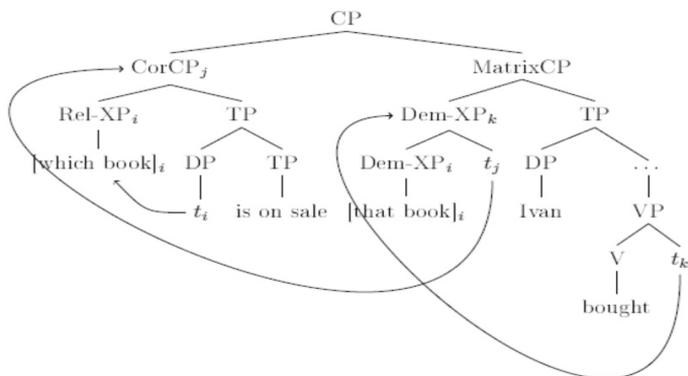
‘Чем больше он общается с вами, тем моложе себя чувствует.’

Итак, примеры (4а) и (4в) показывают, что идея компаратива — сравнение некоторого признака/свойства — переосмысливается как идея сравнения количества, для чего в коррелятивных парах используются количественные проформы. Таким образом, примеры вида (4а), формально отличающиеся от (4в) лишь наличием падежного маркирования на местоимениях, недопустимы в значении компаративного коррелятива со значением сравнения качества и с коррелятивной парой «чем — тем» («Чем больше, тем лучше»). Примеры (4б) и (4г) отображают понятие компаративного коррелятива в конструкции, близкие к условным предложениям, такие, как бессоюзные предложения вида *He придешь — придешь на передачу* и предложения с условными союзами. Интересно в этой связи, что одной из стратегий замены является именно замена зависимой (т. е. собственно коррелятивной) клаузы на протасис условной клаузы, как в (4г). Если принять во внимание факт, что типологически коррелятивы проявляют свойства, с одной стороны, относительных предложений, а с другой стороны, так называемых «зависших» топиков (“hanging topics”) и условных предложений, соответственно распадаясь на коррелятивы, как в хинди (см. [Bhatt 2003]), и коррелятивы, как в венгерском (см. [Lipták 2009, 2012]), то описанные средства «спасения» компаративной коррелятивной конструкции в горномарийском языке получают естественное обоснование. Можно также утверждать, что сделанные наблюдения являются косвенным аргументом в пользу большей близости структуры горномарийских коррелятивов к структуре адъюнкта клаузального уровня, т. е. топиков и условных предложений. Мы рассмотрим некоторые из релевантных типологических свойств горномарийских коррелятивов в следующем разделе.

3. Структурные особенности коррелятивов

Обобщая литературу, посвященную рассматриваемым конструкциям и их реализациям в отдельных языках и группах языков, можно заметить, что коррелятивы проявляют свойства либо относительных предложений, либо «зависших» топиков и условных предложений. Соответственно, одной из важнейших задач для нас, наряду с установлением инвентаря коррелятивов, был ответ на вопрос, к какому типу — «относительному» или «топикальному» — относятся горномарийские коррелятивы. Очевидно, что в первом случае должно происходить выдвигание коррелятивной клаузы из именной группы, находящейся *in situ* либо также передвинувшейся на левый край главной клаузы, а синтаксические структуры для простых и множественных коррелятивов оказываются разными (см. [Bhatt 2003] и Рис. 1аb ниже, взятый из [Gareyshina 2013]); во втором случае коррелятивная клауза уже порождается как адьюнкт к главной клаузе, передвижение из позиции внутри именной группы, подобное тому, что было в «относительном» типе коррелятивов, отсутствует, следовательно, синтаксис простых и множественных коррелятивов одинаков, за исключением разного количества коррелятивных пар (см. [Lipták 2009, 2012] и Рис. 2 ниже ([Gareyshina 2013])).

Рисунок 1а. Синтаксическая структура⁶ для простого коррелятива в языках типа хинди

⁶ MatrixCP в рисунках следует понимать как MainCP (точнее, как CP/TP, согласно сокращениям, принятым в статье), так как имеется в виду главная клауза, а отнюдь не матричная.

Рисунок 16. Синтаксическая структура множественного коррелятива в языках типа хинди

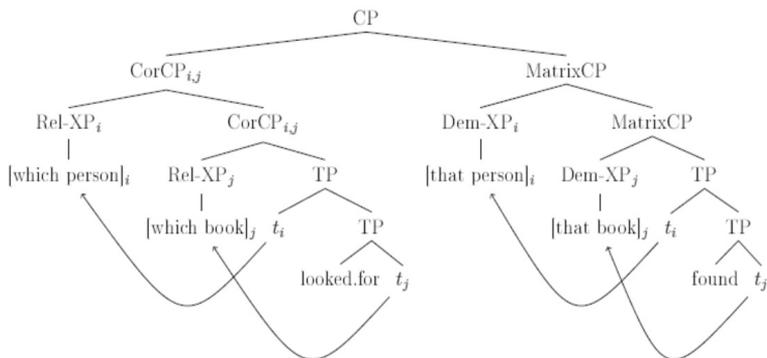
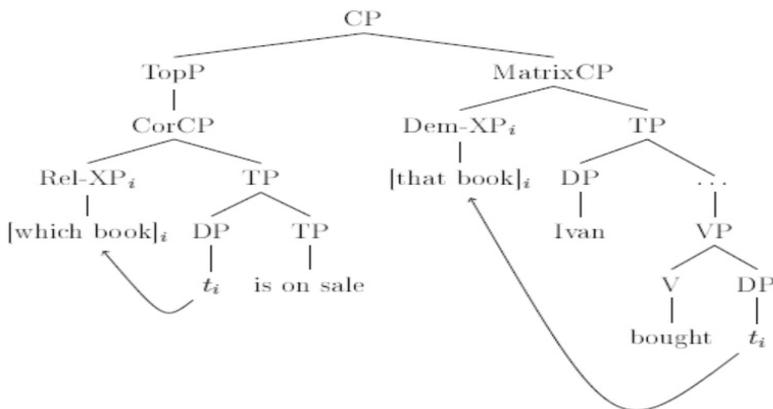

Рисунок 2. Синтаксическая структура простого коррелятива в языках типа венгерского

Множественные коррелятивы анализируются так же, в общем совпадая со схемой Рисунка 16⁷.

⁷ Мы считаем, что множественные коррелятивы следует относить к топикальному типу, а не к относительному, исходя из того, какие семантические типы (и контексты появления) предсказываются для коррелятивной конструкции при выбранном анализе. В случае анализа множественных коррелятивов как относительных предложений с множественной релятивизацией для простых и множественных коррелятивов предсказываются разные семантические типы и, следовательно, разные контексты

На Рисунке 1а схематически изображен «относительный» анализ, при котором коррелятивная клауза является исходно зависимым именной группы Dem-XP и перемещается на левую периферию клаузы лишь после передвижения туда всей именной группы (в том случае, если в рассматриваемом языке нахождение именной группы в таких конструкциях в позиции *in situ* не допускается). Рисунок 1б показывает структуру множественных коррелятивов при анализе коррелятивной клаузы как изначально находившейся в позиции зависимого — относительного предложения — в именной группе: при наличии двух и более мишенной релятивизации внутри единственной зависимой коррелятивной клаузы ожидалось бы, что вершины групп, соответствующих мишениям, образуют единую составляющую, подвергающуюся операции релятивизации (например, могут быть сочинены); однако субъект и объект образуют одну составляющую исключительно в составе главной клаузы, следовательно, структура, как на Рисунке 1а, для множественных коррелятивов исключается (см. подробнее обсуждение этой проблемы, а также предсказываемых различий в структуре простых и множественных коррелятивов в [Bhatt 2003: 491–499, 516–521]). Рисунок 2 демонстрирует «топикальный» анализ, при котором зависимая коррелятивная клауза является адьюнктом клаузальной составляющей не ниже уровня TP. Нетрудно заметить, что если анализировать коррелятивную клаузу как относительную, то она должна на каком-то этапе деривации

появления. Но в действительности в языках мира это не так (см. работы [Bhatt 2003; de Vries 2002]). Любые типы коррелятивов имеют две интерпретации: референт коррелятивной конструкции (введенный с помощью пары соотносительных групп в зависимой и главной клаузах) либо 1) уникален, либо 2) представляет собой множество объектов, каждый из которых удовлетворяет сказанному в коррелятиве. Предположение, что простые и множественные коррелятивы анализируются различно, имеет два нежелательных для теории следствия: 1) соображения изоморфизма синтаксиса и семантики и соображения экономичности (любое синтаксическое различие семантически мотивировано) нарушаются; 2) в языках мира до сих пор не было найдено аналогичного явления, для которого наилучший анализ подразумевал бы обязательное расхождение в синтаксической и семантической структурах, однако найдены свидетельства обратного — в пользу изоморфизма синтаксиса и семантики.

предложения образовывать составляющую с именной группой — антецедентом вида [_{NP} [NP] [RelCl]] (где NP — именная группа — антецедент, RelCl — относительное предложение); если же анализировать коррелятивную клаузу как топик, то она должна образовывать составляющую с «модифицируемой» главной клаузой, но не с какой-либо именной составляющей внутри данной клаузы (подробнее о структуре проекции топика и его месте внутри предложения см. [Rizzi 1997]).

На основании данных теоретических соображений наш вопрос можно переформулировать следующим образом — являются ли зависимая клауза и указательная группа главной клаузы составляющей? В случае положительного ответа мы бы ожидали релятивизацию, в случае отрицательного — топик⁸. Чтобы определить, образует ли коррелятивная клауза составляющую с указательной группой главной клаузы, мы использовали следующие тесты: 1) вопросно-ответный тест (см. [Radford 1981: 72, 92]); 2) помещение составляющей в предикацию (см. [Allerton 1979: 113]); 3) тест на сочинение составляющих (см. [Bhatt 2003: 504–506]); 4) эффекты реконструкции (см. [Bhatt 2003: 514–515]). Вопросно-ответный тест предполагает, что если на вопрос можно дать краткий ответ — «фрагмент» предложения (вместо ответа в виде целой клаузы), то такой ответ является составляющей. Помещение составляющей в предикацию фактически представляет собой помещение исследуемого языкового материала в аргументную позицию внутри предложения; если результирующее предложение является грамматичным, то помещенный внутрь фрагмент является составляющей. Тест на сочинение составляющих основан на наблюдении, что можно сочинить составляющие, причем одного типа. Эффекты реконструкции основаны на принципах связывания A, B и C; применительно к рассматриваемой в данной работе конструкции это означает, что если зависимая коррелятивная клауза и указательная группа образуют составляющую на некотором этапе деривации всей структуры, то личное местоимение 3-го лица внутри зависимой клаузы может быть кореферентно другой

⁸ Подробнее обсуждение двух анализов для коррелятивной конструкции, а также аргументацию для них, можно посмотреть в работах [Cable 2009; Bhatt 2003; Lipták 2012; Mitrenina 2010] на материале тибетского языка, хинди, венгерского и русского языков соответственно.

именной группе внутри главной клаузы, если именная группа главной клаузы имеет структурный приоритет над предполагаемой составляющей, состоящей из коррелятивной клаузы и ее вершины — указательной группы (так, ниже в примере (8) антецедент предполагаемой составляющей находится в позиции субъекта главной клаузы, а сама искомая составляющая — в позиции прямого объекта главной клаузы).

Посмотрим на данные вопросно-ответного теста. Приведем вопрос и возможные ответы на него:

- (5) Q: *kü zvon'-en?*
кто звонить-PST2.3SG
'Кто звонил?'
- A1: [Dem-XP [RelCP]]:
^{OK}*tädä, kü gišän tengecä jad-ân-at.*
тот кто о вчера спрашивать-PST2-2SG
- A2: [RelCP]:
^{OK}*kü gišän tengecä jad-ân-at.*
кто о вчера спрашивать-PST2-2SG
- A3: [CorCP [Dem-XP]]:
?kü gišän tengecä jad-ân-at, tädä.
кто о вчера спрашивать-PST2-2SG тот
- A4: [[CorCP] [MatrixCP]]:
^{OK}*kü gišän tengecä jad-ân-at,*
кто о вчера спрашивать-PST2-2SG
täd-ok zvon'-en.
тот-EMPH звонить-PST2.3SG
Ожидаемое значение: '(Звонил) тот, о ком ты спрашивал вчера.'

Легко видеть, что ответить на вопрос с помощью варианта А3 вида «О ком ты вчера спрашивал, тот» менее возможно, чем способами А1, А2 или А4, соответственно, мы не можем сделать здесь вывод о том, что CorCP и Dem-XP образуют составляющую. Однако вариант А3 может служить ответом на вопрос, если сделать перед местоимением паузу — тогда получится пример вида *kü gišän tengecä jad-ân-at — tädä*, крайне напоминающий

предложения со связкой; именно в этом смысле некоторые носители разрешают это предложение.

Так как вопросно-ответный тест не дает однозначно интерпретируемых данных, мы воспользовались еще одним тестом — а именно, попытались поместить предполагаемую составляющую [CогCP [Dem-XP]] в другую предикацию, чтобы она целиком служила членом предложения (субъектом, прямым объектом, непрямым объектом и т. д.):

(6а) [?] *mən'*, *kādā* *ädär-län* (*tän'*) *vedärä-m*
 я который девушка-DAT ты ведро-ACC
pu-en-ät, (*tä ädär-än*) *ävä-žä-m*
 дать-PST2-2SG тот девушка-GEN мать-POSS.3SG-ACC
už-än-am.
 видеть-PST2-1SG

(6б) **mən'* *už-än-am*, *kādā* *ädär-län*
 я видеть-PST2-1SG который девушка-DAT
vedärä-m pu-en-ät, *tä ädär-än*
 ведро-ACC дать-PST2-2SG тот девушка-GEN
ävä-žä-m.
 мать-POSS.3SG-ACC

Ожидаемое значение: 'Я видела [_{DP} [CогCP какой девушке ты дала ведро; _{DP} той девушки мать]].'

(6в) **mən'* *už-än-am*, *kādā* *ädär-län*
 я видеть-PST2-1SG который девушка-DAT
vedärä-m pu-en-ät, *tädä-n* *ävä-žä-m*.
 ведро-ACC дать-PST2-2SG тот-GEN мать-POSS.3SG-ACC

Ожидаемое значение: 'Я видела [_{DP} [CогCP какой девушке ты дала ведро; _{DP} той {девушки} мать]].'

Итак, можно обратить внимание на пример (6а), который допускают не все носители, а оставшиеся произносят с особой «выделительной» интонацией, делая паузу между коррелятивной клаузой и указательным местоимением. Предположим, что искомая составляющая является тяжелой, значит, она должна быть склонна сдвигаться вправо, подвергаясь так называемому сдвигу тяжелой ИГ (heavy NP shift, см. подробнее [Ross 1967]). Тем самым, и именная группа, и ее предполагаемое относительное зависимое

должны допускать расположение на правом краю клаузы, то есть за глаголом при порядке слов SOV. Этого, тем не менее, не происходит, как показывают примеры (6бв)⁹. Значит, такие примеры, равно как и не-нейтральная интонация в (6а), обусловлены на самом деле скрэмблингом¹⁰ местоимения *tän* 'из главной клаузы (подобное в русском языке абсолютно невозможно, ср. предложение **Я, какой девушке ты одолжила ведро, ту девушку видела*). Таким образом, данные второго теста неоднозначны в силу действующих в горномарийском языке правил скрэмблинга, отличных от ограничений, выполняющихся в русском языке.

Данные теста на сочинение составляющих также отрицательные:

- (7а) ^{OK}[CorCP] & [CorCP]:
^{OK}*kü lekci-m lād-eš dä kü čaj-äm*
кто лекция-ACC читать-NPST.3SG и кто чай-ACC
jämdälält-eš, nänä-m väslimäš-äškä ik cäš anzâc
готовить-NPST.3SG те-ACC встреча-ILL 1 час до
pâr-t-at.
входить-CAUS-NPST.3PL

- (7б) *[CorCP [Dem-XP]] & [CorCP [Dem-XP]]:
 **kü lekci-m lād-eš, tädä-m, dä*
кто лекция-ACC читать-NPST.3SG тот-ACC и
kü čaj-äm jämdälält-eš, tädä-m
кто чай-ACC готовить-NPST.3SG тот-ACC
vaslimäš-äškä ik cäš anzâc pâr-t-at.
встреча-ILL 1 час до входить-CAUS-NPST.3PL

⁹ Примеры вида (6бв) являются грамматичными, в частности, в хинди (Р. Бхатт, л. с.; также см. [Srivastav 1991; Bhatt 2003]) и в осетинском (см. [Belyaev, Naug 2014]). (6б) показывает действие ограничения при именной группе с указательным местоимением *tä*, употребляющимся только в атрибутивной позиции, (6в) — при именной группе с указательным местоимением *tädä*, служащим проформой для именной группы *tä ädär* 'та девушка' (подробнее см. [Саваткова 2002: 156–157, 159–162; Alhoniemi 1993: 78–80, 82–83]).

¹⁰ В данной работе под скрэмблингом понимается любое наблюдаемое прагматически мотивированное передвижение некой составляющей, см. подробнее работу [Corver, van Riemsdijk 1994].

- (7в) *[CorCP [Dem-XP]] & [CorCP [Dem-XP]]:
 **kü lekci-m lād-eš, nänä-m, dä kü*
 кто лекция-ACC читать-NPST.3SG те-ACC и кто
čaj-äm jämädlält-eš, nänä-m vaslimäš-äškä
 чай-ACC готовить-NPST.3SG те-ACC встреча-ILL
ik cäš anzâc pâr-t-at.

1 час до входить-CAUS-NPST.3PL

Ожидаемое значение: ‘Тех, кто читает лекцию и кто готовит чай, пустят за час до начала мероприятия.’

Как известно, сочиняются составляющие одного типа. В нашем случае можно сочинить зависимые клаузы (CorCP) и получить пример (7а), но нельзя сочинить сочетания «зависимая клауза — указательная группа» (CorCP+Dem-XP) — примеры (7бв) однозначно неграмматичны. Таким образом, и по результатам этого теста мы не видим доказательств существования единой составляющей [CorCP [Dem-XP]].

Тест на связывание переменной / эффекты реконструкции также дает отрицательный результат:

- (8) *ma-m tädä; už-eš, tädä-m [každä]*
 что-ACC он видеть-NPST.3SG он-ACC каждый
orod-äš ke-šä]^{OK}_k tör-eš šotl-a.*
 дурак-ILL уйти-PTCP.ACT правда-LAT считать-NPST.3SG
 ‘Что он_i видит, то [каждый безумец]*^{OK}_k принимает за правду.’

Если бы именная группа ‘каждый безумец’ в главной клаузе была кореферентна местоимению ‘он’ в зависимой клаузе, то это означало бы, что раньше вся зависимая клауза была зависимым указательного местоимения *tädäm*, которое, в свою очередь, реконструировалось вместе с зависимой клаузой в свою исходную позицию прямого дополнения, т. е. ниже подлежащего ‘каждый безумец’. Таким образом, именная группа ‘каждый безумец’ тогда могла бы иметь над местоимением ‘он’ структурный приоритет, а следовательно, ‘он’ мог тогда получить от данной именной группы референциальный индекс. То, что этого не происходит, свидетельствует о том, что CorCP никогда не была частью Dem-XP, а значит, возможна только интерпретация, где ‘он’ и ‘каждый безумец’ — это разные люди.

Итак, все четыре теста показали, что зависимая клауза и указательная группа не образуют составляющую, и мы можем сделать заключение, что коррелятивы в горномарийском языке ведут себя скорее как конструкции с топиком, чем как относительные предложения.

4. Заключение

Рассматривая коррелятивы в горномарийском языке, мы ставили перед собой следующие вопросы:

- Какие типы коррелятивов представлены в языке?
- Каковы общие структурные особенности коррелятивов в горномарийском языке?
- Являются коррелятивы по своим синтаксическим свойствам релятивизацией или «зависшим» топиком (hanging topic)?

Представляется, что нам удалось установить основной репертуар данных конструкций, а также сделать наблюдения над их структурными свойствами, позволяющие прийти к выводу о том, что коррелятивы и топики в горномарийском языке ведут себя схожим образом. Как следствие, наши данные являются вкладом в типологический обзор коррелятивов в уральских языках, а в перспективе — в описание синтаксиса языков уральской семьи и типологию коррелятивов в языках мира. В числе задач для будущих исследований можно назвать сопоставительный анализ коррелятивов с другими полипредикативными структурами (например, безвершинными относительными придаточными и условными предложениями) в горномарийском языке.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — первое, второе, третье лицо; ACC — аккузатив; ADD — адитивная частица; CAUS — каузатив; CMPR — сравнительная степень; CVB — конверб; DAT — датив; DESID — дезидератив; EMPH — эмфатическая частица; FULL — полная основа; GEN — генитив; ILL — иллатив; INDEF — неопределенность; INF — инфинитив; LAT — латив; NEG — отрицание; NMZ — номинализация; NPST — непростое время; PL — множественное число; POSS — посессивность; PST2 — прошедшее второе; PTCP.ACT — активное причастие; SG — единственное число; VBZ — вербализатор; VN — отглагольное имя.

Литература

- Кожемякина, Гарейшина 2018 — А. Д. Кожемякина, А. Р. Гарейшина. Относительные предложения в горномарийском языке. Экспедиционный отчет. Рукопись. М: МГУ, 2018. [A. D. Kozhemyakina, A. R. Gareyshina. Otnositel'nyje predlozheniya v gornomarijskomazyke. Ekspeditsionnyj otchet. [Relative clauses in Hill Mari. Fieldwork report]. M.: MSU, 2018].
- Саваткова 2002 — А. А. Саваткова. Горное наречие марийского языка. Bibliotheca Ceremissica Tomus V. Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002. [A. A. Savatkova. Gornoe narechie mariiskogo iazyka [The Hill dialect of Mari]. Bibliotheca Ceremissica Tomus V. Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002].
- Чхаидзе 1941 — М. П. Чхаидзе. Синтаксис лугово-восточного марийского языка. М.: Учпедгиз, 1941. [M. P. Chkhaidze. Sintaksis lugovo-vostochnogo mariiskogo iazyka [Syntax of Meadow-Eastern Mari]. M.: Uchpedgiz, 1941].
- Alhoniemi 1993 — A. Alhoniemi. Grammatik des Tscheremissischen (Mari). Hamburg: Buske, 1993.
- Allerton 1979 — D. Allerton. Essentials of grammatical theory: A consensus view of syntax and morphology. London: Routledge and Kegan Paul, 1979.
- Belyaev, Haug 2014 — O. Belyaev, D. Haug. Pronominal Coreference in Ossetic Correlatives and the Syntax-Semantics Interface // M. Butt, T. H. King (eds.). Proceedings of LFG14. CSLI Publications, 2014. P. 89–109.
- Bhatt 2003 — R. Bhatt. Locality in Correlatives // Natural Language and Linguistic Theory 21, 3, 2003. P. 485–541.
- Cable 2009 — S. Cable. The Syntax of the Tibetan Correlative // A. Lipták (ed.). Correlatives Cross-Linguistically. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2009. P. 195–222.
- Corver, van Riemsdijk 1994 — N. Corver, H. van Riemsdijk. Introduction: Approaches to and Properties of Scrambling // N. Corver, H. van Riemsdijk (eds.). Studies on Scrambling: Movement and Non-movement approaches to Free Word-Order Phenomena [Studies in Generative Grammar 41]. Berlin: Mouton de Gruyter, 1994. P. 1–16.
- de Vries 2002 — M. de Vries. The Syntax of Relativization. PhD thesis, University of Amsterdam, Amsterdam, 2002.
- den Dikken 2005 — M. den Dikken. Comparative correlatives comparatively // Linguistic Inquiry 36, 4, 2005. P. 497–532.
- den Dikken 2009 — M. den Dikken. Comparative correlatives and successive cyclicity // A. Lipták (ed.). Correlatives Cross-Linguistically. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2009. P. 263–305.
- Fleischer, Schötschel 2005 — J. Fleischer, M. Schötschel. Relativpronomen im Marischen // C. Hasselblatt, E. Koponen, A. Widmer (eds.). Lihkkun

- lehkos! Beiträge zur Finnougristik aus Anlass des sechzigsten Geburtstages von Hans-Hermann Bartens. [Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica 65]. Wiesbaden: Harrassowitz, 2005. P. 71–86.
- Gareyshina 2013 — A. Gareyshina. Correlations between correlatives in Russian. Ms. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2013.
- Izvorski 1996 — R. Izvorski. (Non-)matching effects in free relatives and pro-drop // M. Przejdziecki, L. Whaley (eds.). Proceedings of ESCOL'95. Ithaca: Cornell University, 1996. P. 89–102.
- Izvorski 1997 — R. Izvorski. The Syntax and Semantics of Correlative Proforms // K. Kusumoto (ed.). Proceedings of NELS 26. Amherst, MA: GLSA, 1997. P. 133–147.
- Keenan 1985 — E. L. Keenan. Relative Clauses // T. Shopen (ed.). Language typology and syntactic description, Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 141–170.
- Lipták (ed.) 2009 — A. K. Lipták. Correlatives Cross-Linguistically. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2009.
- Lipták 2012 — A. K. Lipták. Correlative topicalization // Acta Linguistica Hungarica 59, 3, 2012. P. 245–302.
- McCawley 2003 — J. D. McCawley. Remarks on Adsentential, Adnominal, and Extraposed Relative Clauses in Hindi // V. Dayal, A. Mahajan (eds.). Clause Structure in South Asian Languages. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2003.
- Mitrenina 2010 — O. Mitrenina. Correlatives: Evidence from Russian // G. Zybatow et al. (eds.). Formal Studies in Slavic Linguistics: Proceedings of FDSL 7.5. Frankfurt am Main: Peter Lang Publishing House, 2010. P. 135–151.
- Nikolaeva 2005 — I. Nikolaeva. Relative Clauses // K. Brown (ed.). Encyclopedia of Language and Linguistics (2nd ed.). Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2005. P. 501–508.
- Radford 1981 — A. Radford. Transformational syntax: A student's guide to Chomsky's Extended Standard Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
- Rizzi 1997 — L. Rizzi. The Fine Structure of the Left Periphery // L. Haegeman (ed.). Elements of Grammar. Kluwer International Handbooks of Linguistics. Dordrecht: Springer, 1997.
- Ross 1967 — J. R. Ross. Constraints on variables in syntax. Ph.D. thesis, MIT, Cambridge, MA, 1967.
- Srivastav 1991 — V. Srivastav. The syntax and semantics of correlatives // Natural Language and Linguistic Theory 9, 4, 1991. P. 637–686.